

Mazokha G. S. Letters Masters of Artistic Expression as an Object of Literary Studies

The article firstly deals with complex researching of domestic word artists' letters. The scientific approaches to epistolary genre analysis were systematized. Tendencies and peculiarities of the development of epistolary genre were analyzed. Special attention pays to letters' researching as a whole text and to its poetics in the aspect of dialogical impact with different cultural codes and systems.

Personal correspondence is of scientific interest not only as material for the study of biography, but as a genuine factor, which reflects the diversity of the whole spiritual life of the writer, the individual characteristics of his thinking .

Complexity analysis of private correspondence is due to the specific nature of the latter: both documentary and subjective, which often led to their rastsenivanie researchers as a secondary material. This is because the entire marginal literature inherent different approach actually another criterion of validity . Immediate content of letters, their imaginative narrative forms define the special relationship of the subjective and the objective, partial and total.

Key words: epistolary, private correspondence, letter, literary process.

Стаття надійшла до редакції 14.08.2013 р.

Прийнято до друку 27.09.13 р.

Рецензент – д. філол. н., проф. Фоменко В. Г.

УДК 82.091

Т. М. Марченко

**УКРАИНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭТНООБРАЗЫ
КАК ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННЫХ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

В современных текстологических исследованиях всё чаще используются научные позитивы междисциплинарных подходов к осмыслению сложных и многогранных эстетических явлений, изучение которых актуализировалось в силу ряда причин, в том числе экстралитературоведческих. Так, реалии постсоветского периода, процессы интеграции и глобализации современного мира, обострили внимание учёных к широкому спектру имагологических проблем, посвящённых изучению взаимных ментальных представлений народов „о себе и о соседях”, репрезентации „образа страны”, и „образа народа” в культурном сознании и литературном дискурсе другого народа. Вслед за классическими исследованиями Д. А. Пажо, Г. Дизеринка, Г. Гачева, к

числу значимых научных артефактов последних лет отнесём монографии Д. С. Наливайко „Глазами Запада: рецепция Украины в Западной Европе XI-XVIII ст.” (Киев, 1998), В. В. Орехова „Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в.)” (Симферополь, 2006), „Миф о России во французской литературе первой половины XIX в.” (Симферополь, 2008), кандидатскую диссертацию Н. Дементьевой „Мифологема Мазепы в западноевропейской литературе” (Санкт-Петербург, 2003), статьи А. Р. Волкова, Г. Грабовича, Л. П. Егоровой, М. А. Новиковой, В. И. Мацапуры и многих других. В русле этого направления находится и наша монография „Образ Богдана Хмельницкого в литературе русского романтизма” (Донецк, 2009).

Центральным понятием и, одновременно, объектом имагологических исследований стало понятие этнообраз, которое существенно дополняет литературную эйдологию и семантически коррелирует с термином, предложенным Г. Гачевым – „национальный образ”. Как известно, учёный трактует это понятие как триаду „Космо-Психо-Логос”, т. е. единство национальной природы, склада психики и мышления [1, с. 11]. Складываясь в национальном самосознании, эта триада неизбежно становится и составной частью познавательной деятельности других народов в „едином диалектическом процессе ассимиляции-диссимиляции культур” [1, с. 13]. Приверженцы понятия этнообраз акцентируют внимание на том, что он конструирует не только индивидуальные черты, но этническую идентичность изображаемого персонажа, ландшафта, исторической эпохи, подавая некоторые его черты как типичные для определённой страны, как характерные для целого народа [2, с. 352]. Совокупность этнообразов в конечном итоге составляет более или менее целостную национальную картину мира, существующую в ситуации межкультурного диалога и взаимопознания.

В инонациональном восприятии этнообразы всегда позитивно или негативно окрашены и, как правило, символичны. Спектр художественных форм, в которых они воссоздаются, невероятно широк, практически не существует жанровых ограничений или препятствий для их репрезентаций. Важно отметить и некоторую парадоксальность процессов формирования и бытования этнообразов. С одной стороны, большая их часть возникает на основе национальных стереотипов, которые веками „гнездятся в глубинах культурно-бессознательного, никогда не исчезают, способны активизироваться и обнаруживать свою актуальность во вполне предсказуемых ситуациях” [3]. С другой стороны – они подвижны, изменяемы, зависят от целого ряда текущих общественно-политических факторов. По сути, каждый из такого рода художественных конструкторов – это комплекс идей и представлений о Чужом, о „не своём” мире и о „не своей культуре”, что неминуемо выводит его на пересечение идеологических, межкультурных, а нередко

и политических проблем и требует от исследователя предельной научной объективности, сугубо академических подходов к изучаемому материалу. Ещё одна важная составляющая в этой ситуации парадоксальности – наличие мощного субъективного начала, присутствие автора с его собственной культурной ментальностью, идеологическими позициями, ангажированностью. Именно автор, как справедливо замечает Д. С. Наливайко, не просто разворачивает образ, а „эксплицирует его, целенаправленно, или имплицитно” [4, с. 220].

Осознание сложной, структурно многоуровневой природы этнообразов определило главную стратегию современной гуманитаристики – их реконструкция и анализ осуществляются как неотъемлемая составляющая национальной картины мира в определённый синхронический период её развития.

Именно этой глубоко диалектической методологической идеей и руководствовались мы в наших исследованиях образа Украины в русской романтической картине мира. Романтический период русской литературы выбран нами в качестве синхронического среза для наблюдений не случайно. Как известно, именно в эту эпоху национальное самосознание, историческая и культурная память достигают такого уровня развития, который предполагает художественное „хождение” не только в свой народ, но и в „инонациональные ойкумены” [5, с. 13]. Теоретик русского романтизма О. М. Сомов в своём трактате „О романтической поэзии” писал: „Сколько различных народов слилось под одно название русских или зависят от России, не отделяясь ни пространством земель чужих, ни морями далёкими! Сколько разных обликов, нравов и обычаев представляется испытующему взору в одном объёме России совокупной! <...> Сколько мест и предметов, рассеянных по лицу земли русской, остаётся для современных певцов и будущих поколений. <...> Выбирай и твори!” [6, с. 557].

Одной из самых ярких и многообразных в своём проявлении инонациональных тем русской литературы стала малороссийская тема. Она развивалась в нескольких тематических контекстах – описательно-путевом (многочисленные литературные путешествия), этнографическом, фольклорном, бытовом, историческом. По подсчётам профессора В. Сиповского, сделанным ещё в 20-е годы прошлого столетия, с 1800 по 1850 годы было создано более пятисот художественных произведений, в которых так или иначе воссоздан образ Украины, в свою очередь состоящий из множества его составляющих этнообразов (пространственных, бытовых, исторических и т. д.). Показательно, что расцвету украинской темы в русской литературе способствовали писатели и поэты, чьи корни или обстоятельства жизни были связаны с этим краем – В. Т. Нарезный, Н. И. Гнедич, А. С. Пушкин, Ф. Н. Глинка, К. Ф. Рылеев, О. М. Сомов, Н. В. Гоголь и многие другие. Как справедливо отметил Ю. В. Манн, в русской

литературе этой эпохи „создавался широкий пространственный образ – региона, края или даже страны, государства, однако украинский материал, как, впрочем, и „черкесский” или „ливонский”, фигурирует ещё на правах общероссийского” [7, с. 267]. По мнению учёного, украинский материал был „свой” и в то же время „не свой”, его восприятие в русской романтической картине мира совпадает с представлением П. А. Вяземского об „оконечностях живописных”, которыми изобилует Россия. Говоря о трудностях создания русского романа, писатель в числе наиболее удачных попыток называет „Бурсак” В. Т. Нарезного. Но, в том то и трудность, что „...автор наш не совершенно русский, а малороссийский” [8, с. 182]. Эта проблемная ситуация в первые десятилетия XIX века разрешается ещё довольно безболезненно. „В то время ещё не ставили утончённых национальных вопросов, не считали малорусов как будто за чужое племя и не думали видеть ущерба для достоинства русского народа в признании известной малорусской особенности: это был факт, который странно было оспаривать, или в заявлении его видеть сепаратизм”, – писал А. Н. Пыпин [9, с. 8].

В свете указанных мировоззренческих особенностей центральная имагологическая оппозиция „своё – чужое” утрачивает остроту в ситуации, когда чужая культура становится частью своей [10, с. 538]. Перед нами ещё не две разных культуры, а ситуация русско-украинского культурного пограничья, где доминируют процессы диффузии, взаимопроникновения русского и украинского в едином, государственным статусом закреплённом пространстве.

Романтический этнообраз Украины в русской национальной картине мира мифологизирован. Н. И. Надеждин признавал, что „какое-то тайное согласие признаёт её (Украину – Т. М.) славянской Авзонией и предчувствует в ней обильную жатву для вдохновения. Наши поэты улетают в неё мечтать и чувствовать; наши рассказчики питаются крохами её преданий и вымыслов. <...> Как географическое положение, так и исторические обстоятельства расположили Малороссию быть торжественным выражением поэзии славянского духа” [11, с. 280].

Из приведенного выше становится очевидным, что актуализация украинской тематики в первые десятилетия XIX века была не просто данью возникшей моде, о которой упоминали многие литераторы того времени. („Здесь так занимает всех всё малороссийское”, – писал Н. В. Гоголь матери из Петербурга 30 апреля 1829 года [12, VIII, с. 34]). По сути, обращение русских романтиков к образу Украины – это проявление программности в её эстетических и общественно-политических аспектах. В соответствии с мировоззренческими постулатами романтизма, произведения украинской темы стали вариантом литературы экзотики, которая резко контрастировала с действительностью кризисной, переходной для тогдашней России эпохи, неприятие которой характерно для личности, ощущающей себя в ситуации романтического двоемирия. Ретроспективность, свойственная

романтическому мышлению и мировосприятию, побуждала художников слова реализовать уход от несовершенств современного мира в идеальный для них мир украинской экзотики и героического казацкого прошлого. В связи с этим особенно значимым, программным становится метафорическое понятие „даль времён” – близость места и времени действия для романтиков равносильна банальности.

Итак, героическая история „страны крайних эмоций, где экстримы скрещиваются, страны, которая купается в молоке и мёде и истекает кровью” [13, с. 176], оказывается центральным фрагментом в структурно сложной украинской картине мира. И вновь подчеркнём – украинский исторический материал воспринимается подавляющим большинством романтиков как часть общероссийского. Об этом красноречиво свидетельствует выдержка из письма К. Ф. Рылеева Н. А. Маркевичу: „Кто исчислит все подвиги Дона и Малороссии (эти регионы представляются автору единым целым – Т. М.) на поприще воинском и гражданском? Сколько знаменитых людей породили страны сии под ясным небом своим, мужей, которых имена живут в потомстве, и будут сиять немерцаемым светом и в последних летописях наших” [14, с. 153-154].

Обращение к украинскому историческому прошлому служило делу практического воплощения идеи героико-патриотической, наполненной высоким гражданским пафосом литературы. Не менее плодотворно на этом тематическом поприще осуществлялась и другая романтическая установка – к созданию национально-самобытной, свободной от подражательности литературы. Это, прежде всего, касается отбора материала, используемого в качестве объекта изображения. В подавляющем большинстве случаев в центре творческого внимания романтиков оказались те эпохи, „с которых начинается как бы новое существование народов в их политическом и нравственном бытии” [15, с. 135]. Таким переломным, судьбоносным временем в „политическом и нравственном бытии” украинцев стал XVII век – время, когда казачество превратилось в „авангард национально-освободительного движения в Украине”, а украинцы стали называться „казацким народом” [16, с. 5]. Для большинства русских романтиков история Украины – это история казачества.

Образ казака – мужественного и свободного рыцаря, живущего по законам побратимства, закалённого в боях, овеянного пафосом народных песен, стал своеобразной моделью украинского романтического героя, примером национального характера. Возникший интерес к воинскому быту, обычаям, славным подвигам казачества привёл к дальнейшей конкретизации творческих поисков – на этом „украинском” фоне русские литераторы открывают конкретное историческое событие и конкретную историческую личность, возникают соответствующие идейно-образные константы, которые питаются многочисленными летописными, фольклорными, историографическими

источниками, ставшими в то время объектом активной художественной рецепции.

Как совершенно справедливо отметил В. Д. Денисов, для русского общественного сознания „были тогда (и остались до сих пор!) актуальны ДВА украинских гетмана, противопоставляемых официальной историей. Это спаситель отечества Богдан Хмельницкий (в народном понимании – избавитель, данный Богом, наделённый от Него властью) и демонический изменник Мазепа, отчуждённый от Бога, народа и власти своим клятвопреступлением” [17, с. 37]. Это наблюдение стало основополагающим в изучении двух биполярных образных констант – так называемого „Богданова текста” и „мазепинского текста” русской литературы. В наших предыдущих исследованиях первый текст реконструирован и проанализирован со всей возможной на данном этапе полнотой – он включает тридцать девять произведений двадцати пяти авторов, все они обозначены внутренним идейным единством, обусловленным особенностями исторического мышления литераторов-романтиков. „Мазепинский текст” ещё обширнее, он пока не реконструирован во всей полноте, но изучается довольно активно. На фоне этих образов другие украинские исторические герои – Пётр Сагайдачный, Северин Наливайко, Семён Палий, Михайло Дорошенко значительно реже привлекали к себе творческое внимание русских авторов-романтиков.

Итак, эпоха романтизма заложила прочный фундамент для дальнейшего существования образа Украины в русском литературном процессе. Интерес к нему будет не единожды усиливаться и угасать, а затем опять вспыхивать. Но все последующие попытки его художественного воссоздания будут неизбежно опираться на заложенный в эпоху романтизма творческий опыт. Дальнейшее изучение художественного бытия украинских этнообразов – задача современной литературной имагологии.

Список использованной литературы

- 1. Гачев Г. Д.** Национальные образы мира : космо – психо – логос / Г. Д. Гачев. – М. : Культура, 1995. – 480 с.
- 2. Будний В.** Порівняльне літературознавство / В. Будний, М. Ільницький. – К.: Видавничі дім „Києво-Могилянська академія”, 2008. – 430с.
- 3. Земсков В. Б.** Образ России „на переломе времён” (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация „другой” культуры) / В. Б. Земсков // Архив. – 2006. – № 1. – Режим доступа: http://www.nrgumis.ru/articles/archives/fullart.php?aid=37@binn_rubrik_ph_articls
- 4. Наливайко Д.** Очима Заходу : рецепція України в Західній Європі ХІ-ХVІІІ ст. / Д. Налівійко. – К. : Основи, 1998. – 578 с.
- 5. Новикова М. А.** В поисках утраченной сказки: украинские романтики и Пушкин / М. А. Новикова // Міфи і місія. – К. : Дух і літера, 2005. – С. 12 – 26.
- 6. Сомов О. М.** О романтической поэзии // Русские эстетические

трактаты первой трети XIX века / О. М. Сомов. – М. : Искусство. – Т. 2. – С. 545 – 562. **7. Манн Ю. В.** Диалектика художественного образа / Ю. В. Манн. – М. : Советский писатель, 1987. – 320 с. **8. Вяземский П. А.** Письмо в Париж / П. А. Вяземский // Московский телеграф. – 1825. – ч. VI, № XXII, – С. 182-183. **9. Пыпин А. Н.** История русской этнографии : в IV т. / А. Н. Пыпи – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1891. – Т. III: Этнография малорусская. – 425с. **10. Касперський Е.** Антиредуктивний проект компаративістики / Е. Касперський // Література. Теорія. Методологія. – К.: Видавничий дім „Кієво-Могилянська академія”, 2008. – С.537 – 540. **11. Надеждин Н. И.** „Вечера на хуторе близ Диканьки”: повести, изданные пасичником Рудым Паньком / Н. И. Надеждин // Литературная критика. Эстетика. – М. : Худож. лит., 1972. – С. 280-282. **12. Гоголь Н. В.** Письмо <1829> 30 апреля / Н. В. Гоголь // Собр. соч. : в 8 т. – М. : Правда, 1984. – Т. 8. – С. 34. **13. Грабович Г.** Грані міфічного : образ України в польському й українському романтизмі / Г. Грабович // До історії української літератури : дослідження, есе, полеміка. – К. : Основи, 1997. – С. 170 – 178. **14. Рылеев К. Ф.** Полное собрание стихотворений : большая серия / К. Ф. Рылеев. – М.-Л. : Советский писатель, 1971. – 480 с. **15. Троицкий В. Ю.** Художественные открытия русской романтической прозы 20-30-х годов XIX века / В. Ю. Троицкий. – М. : Наука, 1985. – 279 с. **16. Щербак В. О.** Українське козацтво: формування соціального стану. Друга половина XV – середина XVII ст. / В. О. Щербак. – К. : Видавничий дім „КМ Academia”, 2000. – 296 с. **17. Денисов В. Д.** Изображение козачества в раннем творчестве Н. В. Гоголя / В. Д. Денисов. – Симферополь-Киев, 2005. – 147с.

Марченко Т. М. Українські літературні етнообрази як об’єкт сучасних текстологічних досліджень

У статті аналізується поняття „етнообраз” як об’єкт імагологічних досліджень. Він корелює з поняттям „національний образ світу”, запропонований у наукових роботах Г. Гачева. На прикладі реконструйованого в сучасних дослідженнях образу України, що функціонує в художній картині світу російського романтизму, показано структурну складність, сумарність таких художніх конструктів, які містять численні ідейно-образні константи, своєрідність трактовки понять „Свій” и „Чужий” в культурній свідомості епохи. Серед найбільш відомих художніх етнообразів – колективний образ козака, просторові образи степу, Дніпра. У створенні цілісного образу України важливі історичні образи, пов’язані з найбільш значними подіями національного минулого. Це образи українських гетьманів Богдана Хмельницького та Івана Мазепи, чітко протиставлені в російській романтичній картині світу. Автор статті відзначає символічність більшості етнообразів, їх активну міфологізацію в художніх текстах. Спектр художніх форм, в яких відтворюються етнообрази, широкий, не існує жанрових обмежень

чи заборон для їх репрезентацій. Подальше вивчення художнього буття українських етнообразів - важливе завдання сучасної літературної імагології.

Ключові слова: етнообраз, національний образ, імагологія, ідейна константа, міфологізація.

Марченко Т. М. Украинские литературные этнообразы как объект современных текстологических исследований.

В статье анализируется понятие „этнообраз” как объект имагологических исследований. Он коррелирует с понятием „национальный образ мира”, представленным в научных работах Г. Гачева. На примере реконструированного в современных исследованиях образа Украины, функционирующего в художественной картине мира русского романтизма, показана структурная сложность, суммарность подобного рода художественных конструктов, состоящих из многих идейно-образных констант, своеобразие трактовки понятий „Свой” и „Чужой” в культурном сознании эпохи. Среди наиболее известных художественных этнообразов – собирательный образ казака, пространственные образы степи, Днепра. В создании целостного образа Украины важны исторические образы, связанные с наиболее значительными событиями национального прошлого. Это образы украинских гетманов Богдана Хмельницкого и Ивана Мазепы, которые чётко противопоставлены в русской романтической картине мира. Автор статьи отмечает символичность большинства этнообразов, их активную мифологизацию в художественных текстах. Спектр художественных форм, в которых воссоздаются этнообразы, широк, не существует жанровых ограничений или препятствий для их репрезентаций. Дальнейшее изучение художественного бытия украинских этнообразов – важная задача современной литературной имагологии.

Ключевые слова: этнообраз, национальный образ, имагология, идейная константа, бинарная оппозиция, мифологизация.

Marchenko T. M. The Ukrainian Literary Ethnology Images as the Object of Modern Textology Investigations

The author of the article analyses the notion of „ethnology image” as the object of imagology investigations. It correlates with the notion of the „national image of the world”, which is offered in the scientific works of G. Gachev. The image of Ukraine, which is reconstructed in the modern investigations and functions in the artistic world-view of romanticism, is showed as an example. Such artistic constructs are structurally complicated, they contain many constant ideological images. The interpretations of the notions of „My” and „Strange” are original in the cultural consciousness of the epoch. Among the well-known artistic ethnology images are – the collective image of kozak, spatial images of steppe and the Dnieper. The historical images, which is connected with the most considerable events of national past,

are also important in creation of complex image of Ukraine. The images of Bogdan Khmel'nitsky and Ivan Mazepa are clearly contrasted in Russian romantic world-view. The author of the article notes the symbolicalness of the majority of the ethnology images, their active mythologization in the artistic texts. The spectrum of the forms, in which they are created, is broad, there are no genre limitations for their representations. The further investigation of the artistic life of Ukrainian ethnology images – is the important task of modern literary imagology.

Key words: ethnology image, national image, imagology, ideological constant, mythologization.

Стаття надійшла до редакції 14.09.2013 р.

Прийнято до друку 27.09.13 р.

Рецензент – д. філол. н., проф. Шестопалова Т. П.

УДК 821.161.2:[82'0+159.9]

С. П. Михида

ПСИХОПОРТРЕТ В. ВИННИЧЕНКА: ПСИХОСОМАТИЧНІ МАРКЕРИ

Здавалося б проблему психологічного портрета Володимира Винниченка можна було б вважати вичерпаною. Свідчення Євгена Чикаленка, Юрія Тищенка, Розалії Ліфшиць та інших сучасників: рідних друзів, знайомих, характеристики на зразок „натура як у тура”, „infant teryble”, наукові оцінки сучасних літературознавців (В. Панченко, Г. Сиваченко) – все це наразі свідчить і про унікальність об'єкта дослідження, і про інтерес до нього, і про досить високу порівняно з іншими українськими митцями слова, якщо не зважати, звичайно, на психоаналітичні студії про Т. Г. Шевченка, міру осмисленості на рівні синтезу з психологічною наукою. Та все ж говорити про можливість побачити психічну іпостась митця вповні, думається, зарано.

Тож поставимо за мету цієї розвідки лише чергову спробу окреслити окремі штрихи до образу непересічного українця. Пам'ятаючи про жанр літературного портрета, який свого часу був досить впливовим джерелом розуміння природи художності того чи іншого автора, вестимемо мову про психологічний портрет особистості творця літературного явища. Його бачення – це ще одна можливість пізнати таємницю й зануритися в таїну мистецтва слова. Об'єктом студії обираємо матеріал надзвичайно вдячний для розкриття досить тонкої субстанції: психічного буття митця, яка є організуючою силою творення художніх явищ. У своїх попередніх розвідках ми назвали його мегатекстом: усім обширом вербальної інформації, що уможлиблює